
ИСТОРИЯ

В. В. Романов

ВУДРО ВИЛЬСОН О НАЦИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ

В статье прослеживаются основные этапы становления взглядов В. Вильсона на проблему национального самоопределения, подчеркивается влияние на этот процесс Первой мировой войны и других исторических факторов. Одним из выводов автора является тезис о том, что «президент США, опираясь на политические традиции своей страны, сумел фактически обосновать новую глобальную модель построения демократического сообщества наций».

Концепция национального самоопределения занимает важное место в политическом наследии 28-го президента США Вудро Вильсона. В условиях Первой мировой войны и послевоенного урегулирования именно он стал одним из основных инициаторов привнесения данной концепции в программу реорганизации миропорядка. Уже неоднократно исследователи указывали на противоречия, связанные с приверженностью Вильсона этой идее. У ряда историков вызывал недоумение уже тот факт, что лидер Америки, «плавильного котла» этносов, сделал самоопределение наций своим знаменем. Много споров всегда вызывала и сама возможность построения на основе национализма (пусть даже и либерального) миролюбивого международного сообщества. Нельзя обойти стороной и проблему ответственности вильсонизма за всплеск этнонациональных конфликтов в Европе в XX в. [1] В связи с этим попытаемся выявить подходы Вильсона к решению проблемы самоопределения наций.

До Первой мировой войны в международных отношениях проблема самоопределения наций оставалась вопросом чисто теоретическим, поскольку считалось, что этот принцип совершенно несовместим с политикой равновесия сил [2]. Население большинства государств было тогда полиэтничным, следовательно, реализация идеи самоопределения грозила существованию многих из них. Поэтому внешняя политика великих держав чаще всего демонстрировала полное игнорирование права какой-либо нации самой опре-

делять свою судьбу. К числу наиболее наглядных примеров этого можно отнести ликвидацию Польши как независимого государства в конце XVIII в. и политику колониальных захватов XIX в. Тем не менее среди либералов Европы идея национального суверенитета всегда пользовалась большой популярностью. Как справедливо указывает российская исследовательница О. Ю. Малинова, уже со времен Французской революции борьба за права индивидов и движения за освобождение угнетенных народов возникли и развивались во многом параллельно [3].

Однако в политическом и интеллектуальном багаже Вильсона до 1914 г. проблема национального самоопределения фактически не занимала какого-либо существенного места. Отчасти он касался этого вопроса в связи с размышлениями по поводу функционирования государственных институтов. Опираясь на американский опыт, Вильсон, например, всегда относил идеи свободы и народного суверенитета к числу базовых принципов любого демократического общества. Он разделял кальвинистскую доктрину равных возможностей и, стало быть, полагал, что все люди уже по своей природе пригодны для самоуправления. Но, как убежденный социал-дарвинист, Вильсон неоднократно говорил о том, что право самостоятельно распоряжаться своей судьбой, по сути, является привилегией здоровомыслящих и достигших своей зрелости народов. Исходя из этого, он определял, в частности, перспективы самоопределения филиппинцев и пуэрториканцев, оказавшихся с конца XIX в. под американским протекторатом. Этим народам, отмечал Вильсон, конечно же, следует предоставить самоуправление, для чего нужно, прежде всего, научить их «подчиняться закону, полюбить порядок и инстинктивно его соблюдать» [4]. При этом он был уверен, что важнейшим условием успешного функционирования демократических учреждений является однородность нации, «общность мыслей и целей народа». «Демократия, – подчеркивал Вильсон в подготовительных материалах к одной из своей ранних работ, – не способна гармонично объединять расы, обладающие разными привычками и инстинктами или имеющие разные уровни развития интеллектуальных и практических способностей». Опираясь на данный тезис, позднее он указывал на пестрый состав населения Филиппин как на

РОМАНОВ Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина
© Романов В. В., 2008

одну из причин, по которой американцы не могут предоставить им самоуправление [5].

Немаловажное значение для уяснения вильсоновских подходов к национальному вопросу имеет и его толкование самого термина «нация». В связи с этим Вильсон указывал на различия, существовавшие в немецкой и американской трактовке этого понятия. Немцы, считал он, видят в нации «сообщество, объединенное по происхождению и крови». Ну а американцы подразумевают под нацией «сообщество, объединенное политическим устройством, образом жизни и традициями» [6]. Другими словами, нация, по Вильсону, представляет собой некий аналог гражданского сообщества, и, следовательно, под национальным самоопределением он понимал совсем не этническое обособление (как это было принято в Европе), а скорее право того самого гражданского сообщества на самоуправление. Таким образом, в вильсоновском мышлении доктрина самоопределения основывалась на идеях либерального национализма и была своеобразным продолжением его демократических убеждений [7].

Мировая война и особенно обдумывание Вильсоном исходных положений послевоенного мироустройства значительно расширили его представления о проблеме национального самоопределения. В значительной мере этому способствовала политическая обстановка, сложившаяся в 1914–1918 гг. Под влиянием войны, как известно, обозначился очевидный кризис многонациональных империй, а на международной арене все настойчивее стал звучать голос национально-освободительных движений. Вильсон, стремившийся к коренному обновлению мирового порядка, естественно, не мог не реагировать на данные обстоятельства. К тому же принцип самоопределения стал все активнее использоваться обеими воюющими группировками (правда, лишь в отношении противостоящей стороны).

Поэтому американский президент, разрабатывая свою программу, попытался максимально учитывать все национальные аспекты предстоящего мирного урегулирования. Показательно, что апробирование своих подходов Вильсон начал с известных ему проблем, а именно с вопроса предоставления самоуправления Филиппинам. С 1914 г. в палате представителей стал обсуждаться законопроект, подтверждавший намерение США предоставить населению островов всю полноту власти после создания «устойчивого управления». Предусматривались существенные изменения в функционировании местной администрации, которые бы закрепили курс на ее «филиппинизацию», получивший ускорение после прихода демократов к власти. Однако обсуждение законопроекта в Сенате шло совсем нелегко.

Вильсон видел причину этих трудностей в том, что республиканцы не желали соглашаться с провозглашением даже в перспективе независимости Филиппин. Поддерживая данный билль, президент неоднократно разъяснял американским законодателям его важность. Его аргументы сводились прежде всего к тому, что Соединенным Штатам крайне необходимо в условиях европейской войны продемонстрировать свою приверженность «принципам свободы... справедливости и бескорыстия». Через год Вильсон вновь подчеркнул, что принятие закона о Филиппинах поможет Америке «расчистить путь для большой политики, посредством которой мы хотим доказать ныне и навсегда свое право находиться впереди в делах мира, доброй воли, экономической и политической свободы» [8]. Как видим, в сложной международной обстановке Вильсон смело решился на модернизацию колониального режима на Филиппинах. И совсем неважно, что это должно было произойти в отдаленной и вообще-то чрезвычайно туманной перспективе. Самое главное заключалось в другом: он попытался противопоставить американский принцип «альтруизма» по отношению к зависимым народам и американскую приверженность идее самоопределения «эгоизму» европейских держав, активно разрабатывавших тогда планы передела колоний своих противников.

Еще более настойчиво данный подход к проблеме национального самоопределения стал звучать у Вильсона во время его первых публичных заявлений относительно американского видения контуров послевоенного мира. Рассмотрим, например, выступление президента в Сенате США 22 января 1917 г. Заявив, что он говорит «от имени человечества», Вильсон предложил заключить «мир между равными». Равенство наций, по его словам, подразумевает «равенство прав... между большими и малыми нациями, между теми, кто силен и теми, кто слаб». Прочный мир был невозможен и без реализации принципа, согласно которому «правительства получают всю свою законную власть с согласия управляемых». Никто, кроме самого народа, заключил Вильсон, не имеет права распоряжаться народным суверенитетом. В этой речи президент подтвердил свои рассуждения одним конкретным положением, поддержав идею создания «объединенной, независимой и автономной» Польши [9]. Таким образом, в своем выступлении Вильсон от имени США официально провозгласил доктрину национального самоопределения в качестве важнейшего принципа нового миропорядка. Интересно, что сам президент напрямую связал высказанную им точку зрения с американской традицией. В частности, абсолютно по-американски самоопределение было вновь отождествлено прежде

всего с демократическим принципом об «управлении с согласия управляемых».

Тем не менее в Европе любые высказывания президента относительно национального самоопределения встречались крайне настороженно. В частности, российский посол в Вашингтоне Ю. П. Бахметев, комментируя еще выступление Вильсона в Лиге по поддержанию мира в 1916 г., назвал «любительскими промахами» его призыв к реализации идеи о том, что «всякая народность может выбрать ту страну, к которой она хочет принадлежать». По словам дипломата, это «разорвало бы на части политическую систему Европы» [10]. Другими словами, Бахметев увидел не только принципиальные американско-европейские разногласия по национальному вопросу, но и все трудности практического воплощения вильсоновских принципов.

Свое дальнейшее развитие представления Вильсона о самоопределении наций получили в ходе разработки конкретных предложений официального Вашингтона о послевоенном миропорядке. Национальный вопрос традиционно использовался американским президентом для обоснования своих внешнеполитических действий. Например, выступая перед Конгрессом 2 апреля 1917 г. с призывом к законодателям объявить состояние войны с Германией, Вильсон в очередной раз сослался на необходимость борьбы за восстановление прав наций на самоопределение. «Наша цель, – заявил президент, – восстановить принцип мира и справедливости в международной жизни против эгоистической и автократической силы и установить среди действительно свободных и самоуправляющихся народов мира такое согласие целей и действий, которое и впредь обеспечит соблюдение этих принципов». Противопоставляя автократию и демократию, Вильсон подчеркнул, что прочный мир зависит исключительно от «партнерства демократических наций». Поэтому американцы, по его словам, «рады бороться... за освобождение народов... за права великих и малых народов и за право людей везде и всюду избирать свой жизненный путь» [11]. Как видим, вильсоновская мысль в данном случае прочно связала воедино самоопределение наций и тезис о защите демократии с перспективой построения нового, справедливого и прочного мирового порядка. Однако пока что американский президент всего лишь объявлял о своих намерениях содействовать праведному решению национального вопроса, почти не затрагивая конкретных аспектов территориального урегулирования в различных регионах. Тем не менее бурно развивающаяся ситуация в Европе требовала немедленных ответов на вопрос как реализовать обозначенную доктрину.

Особое значение в связи с этим приобрели, например, настойчивые призывы лидеров национально-освободительных движений Австро-Венгрии, обращавшихся к США с просьбой поддержать их законные права на самоопределение. Вильсону еще в январе 1917 г. был передан меморандум известного чехословацкого общественного деятеля Т. Масарика, в котором он убеждал американского президента, что провозглашение независимости Польши, Богемии и Югославских государств делает их «буфером против Германии». Важно отметить, что державы Антанты активно использовали потенциал указанных движений в своих военно-политических целях и поэтому всячески поддерживали намерения многих восточноевропейских народов к отделению. Так, британский министр иностранных дел А. Бальфур, беседуя с советником Вильсона Э. Хаузом 28 апреля 1917 г., изложил американскому руководству английское видение будущего устройства дуалистической монархии. Он, в частности, вел речь о разделении Австро-Венгрии на три части: Богемию, Венгрию и Австрию [12].

Вильсон, никогда не испытывавший полного доверия к антантовской дипломатии, видел в этом, похоже, стремление союзников не столько к претворению в жизнь принципа самоопределения, сколько к достижению «карфагенского мира» с Австро-Венгрией. Поэтому в ежегодном послании Конгрессу 4 декабря 1917 г. (т. е. за три дня до объявления Соединенными Штатами войны Австро-Венгрии) президент отметил, что США не стремятся каким-либо образом «повредить или переустроить» дуалистическую империю. Американцы, сказал он, не имеют желания навязывать народам Австро-Венгрии свои пути решения их внутривнутриполитических проблем. Позднее на заседании кабинета Вильсон, обсуждая вопросы территориального урегулирования в Европе, еще раз подчеркнул, что нельзя навязывать какой-либо стране форму правления. Ее должен определить сам народ [13]. Таким образом, по Вильсону, осуществление принципа национального самоопределения зависело не от устремлений тех или иных лидеров, а исключительно от народного волеизъявления.

Данная установка была дополнена рядом прагматических аргументов против расчленения многонациональных империй Европы. Интерес, например, вызывает меморандум, представленный президенту 4 января 1918 г. от имени исследовательской группы по выработке рекомендаций для послевоенного урегулирования («Инквайри»). В этом документе внимание Вильсона было обращено на центробежные силы, действовавшие в Австро-Венгрии. При этом в правящих кругах империи, по словам экспертов, проявлялось желание выйти из войны, «сохранив наследие Фран-

ца-Иосифа». Следовательно, именно национальный вопрос, ставящий под угрозу господство венгров и австрийцев, мог сделать их независимыми от Берлина и уступчивыми для принятия американских предложений. «Наша политика должна состоять, прежде всего, в раздувании национального недовольства, но в то же время нам необходимо отказаться от поддержки крайней логики такого недовольства, которая может привести к расчленению Австро-Венгрии». Исходя из этого, дипломатии США предлагалось поддержать движение в поддержку федерализации империи. Другими словами, эксперты рекомендовали Вильсону, придерживаясь курса на сохранение государственного единства Австро-Венгрии, воспользоваться проблемой национального самоопределения в качестве рычага для внешнеполитического давления на ее правительство. Текст меморандума показывает, что его авторы пытались применить указанный подход и к другим народам, выступавшим за предоставление независимости. Например, в документе отмечена нежелательность создания суверенной Албании, обозначена целесообразность лишь автономии Армении и «защиты со стороны цивилизованных наций народов Палестины, Сирии, Месопотамии и Аравии». Только за поляками было однозначно закреплено право на создание «независимого и демократического» государства [14].

Свой законченный вид программа Вильсона по национальному вопросу получила в знаменательном выступлении президента перед Конгрессом 8 января 1918 г. Не будет преувеличением сказать, что именно национальное урегулирование оказалось своеобразным каркасом данной речи, поскольку этому были посвящены 9 из «14 пунктов». Показательно и то, что сам термин «самоопределение наций» Вильсон не использовал ни разу. Это обстоятельство говорит о том, что президент в реальной политике предпочел говорить, видимо, не столько о философии решения проблемы, сколько о контурах конкретного мироустройства. Но на деле международная ситуация оказалась значительно сложнее академических рассуждений, что и привело его иногда к недоговоренностям и даже двусмысленностям. Оценивая документ, исследователи уже не раз указывали на «двойственность» позиции Вильсона и на «асимметричность» его подхода к различным вопросам [15]. Тем не менее общий дух «14 пунктов» в полной мере соответствует вильсоновскому видению проблемы самоопределения.

Действительно, в некоторых случаях поддержка принципа самоопределения наций в речи обозначена совершенно четко: необходимость восстановления в полном объеме суверенитета Бель-

гии (п. 7); создание независимого Польского государства, включающего «неоспоримо польское население» (п. 13). Определена необходимость пересмотра границ Франции и Италии, по сути, по национальному признаку (п. 8, 9) [16]. Тем не менее содержание этих пунктов показывает, что даже здесь вильсоновская позиция не всегда соответствовала принципу самоопределения. Так, например, американский президент говорил о необходимости предоставить Польше выход к морю, что, по сути, подразумевало передачу ей территорий, на которых проживало совсем не «неоспоримо польское население».

Кроме того, по другим аспектам урегулирования, нашедшим отражение в речи, Вильсон использовал чрезвычайно расплывчатые формулировки. В частности, говоря об Австро-Венгрии и Османской империи (п. 10, 12), он предложил уже указанный вариант с «автономией», который, в принципе, оставлял открытым вопрос о приобретении национальной независимости для многих народов. Провозглашая «строгое соблюдение» интересов колониально зависимых народов, глава американской администрации уравнивал эти интересы со «справедливыми требованиями» правительств метрополии (п. 5). Совершенно невнятным оказался п. 11, в котором Вильсон предложил решение национального разграничения на Балканах. Он говорил о построении здесь отношений на основе «дружественного соглашения в соответствии с исторически установленными принципами принадлежности и национальности» [17]. Как показала история всего XX в., добиться этой цели практически никогда не удавалось. Видимо, полностью прав американский исследователь Д. Хитер, объяснивший данное положение либо дипломатической уловкой Вильсона, либо его непониманием всей этнографической сложности этого региона [18].

Отдельно следует сказать о п. 6 вильсоновской программы, который был посвящен России. В отечественной литературе советского периода его содержание однозначно связывалось со стремлением к расчленению России. Эта точка зрения имеет своих сторонников и в наши дни. Но в последние годы исследователи все чаще стали приводить аргументы в защиту противоположного вывода. Например, А. И. Уткин в своей недавно изданной книге указывал на то, что Вильсон и его западные союзники, в отличие от кайзеровской Германии, оставались защитниками единства России [19]. Думается, что содержание п. 6 и дальнейшая эволюция американских представлений о путях национального урегулирования в России демонстрируют не только правоту последнего заключения, но и всю противоречивость вильсоновских подходов к данной проблеме. Прежде всего, бросается в глаза, что аме-

риканский президент, выступая в Конгрессе, как будто полностью проигнорировал национальные аспекты ситуации, сложившейся на территории канувшей в лету империи. Единственным исключением, как уже говорилось, была Польша. Ничего он не сказал даже о признании тех государств, народы которых уже получили самоопределение (в частности, Финляндия). Вильсон лишь заверил, что России должны быть предоставлены гарантии «в деле получения беспрепятственной и свободной возможности для принятия независимого решения относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики» [20]. Уклончивость формулировки была связана, очевидно, с чрезвычайной сложностью прогнозирования каких-либо конкретных перспектив урегулирования на российском постимперском пространстве. Совершенно ясное декабрьское заявление Л. Д. Троцкого о полном признании права всех наций на самоопределение и одновременная непредсказуемость большевистской доктрины, продолжавшиеся переговоры о мире в Брест-Литовске и реальная опасность германского доминирования на значительной части России, фактический раскол бывшей империи и начало гражданской войны, в которую очень желали вмешаться государства Антанты – все это чрезвычайно настораживало Вильсона. В результате он последовал за рекомендациями экспертов, предлагавших сосредоточить пока что свое внимание на пропагандистском аспекте русской политики США [21].

В дальнейшем вильсоновская программа по национальному самоопределению уточнялась и конкретизировалась под влиянием той непростой политической обстановки, которая складывалась на заключительном этапе мировой войны. В частности, американский президент попытался дистанцироваться от антантовских планов циничного передела послевоенного мира в свою пользу. Выступая перед Конгрессом 11 февраля 1918 г., он указал, что причины продолжающейся войны лежат в «неуважении прав малых наций», которым не хватало рычагов для отстаивания «собственного выбора форм политической жизни». Исходя из этого, Вильсон заявил, что новое мироустройство нельзя создать без отказа от «аннексий, контрибуций и карательных компенсаций». С точки зрения национального самоопределения это означало, что «народы не должны передаваться от одного суверена к другому решением международной конференции или соглашением между соперничающими сторонами». Поэтому все территориальные вопросы надлежит разрешать лишь с учетом интересов населения. Вильсон пообещал, что «все обоснованные национальные стремления получают самое полное удовлетворение, какое только возможно им дать без

порождения новых или разжигания старых очагов разногласий и вражды» [22].

Как видим, в данной речи американский президент расширил свое понимание доктрины самоопределения. Он заявил не только об «управлении с согласия управляемых» (как того требовала демократия), но и об удовлетворении обоснованных национальных стремлений, что требовалось, по мнению Вильсона, для поддержания прочного мира [23]. При этом он сумел в некоторой степени дезавуировать тайные соглашения Антанты, которые получили широкую огласку после их опубликования большевиками.

Еще одним серьезным обстоятельством для раздумий Вильсона о судьбе доктрины самоопределения наций стала ситуация в России и вокруг нее. Большевики, не желавшие отказываться от власти, все настойчивее «вынуждали» антантовских лидеров к вмешательству во внутренние дела охваченной гражданской войной страны. И в Париже, и в Лондоне считали, что наиболее действенными мерами для решения «русского вопроса» могут быть либо прямая интервенция, либо поддержка любых антибольшевистских сил, значительная часть которых имела очевидную националистическую направленность. Но Вильсон придерживался совсем другого мнения: на первых порах он твердо отказался от поддержки самой идеи интервенции, да и позднее все время сомневался в ее целесообразности, ссылаясь на право русских самим определять будущее своей страны. Вот почему американская исследовательница Б. М. Антербергер, используя вильсоновскую терминологию, назвала его позицию в русском вопросе «серьезным испытанием» [«acid test»] приверженности президента идее самоопределения [24].

Уже с начала 1918 г. Вильсон оказался перед выбором: у его внешнеполитических советников появились различные точки зрения относительно решения национального вопроса на территории бывшей Российской империи. Такие советники, как Э. Хауз, У. Липпман и Ф. Кобб, говорили о нежелательности воссоздания единой России и поэтому предлагали рассмотреть вопрос о признании суверенитета ее отдельных областей. Эта мысль, в частности, прослеживается в т. н. официальном комментарии к «14 пунктам». Госсекретарь Р. Лансинг, хотя и был сторонником активной поддержки антибольшевистских сил, сомневался в надобности создания вокруг Советской России кольца малых независимых государств [25].

Принимая решение, Вильсон попытался опереться на собственные представления о проблеме национального самоопределения. Первоначально он выступил против немедленного признания суверенитета отдельных частей России,

поскольку был уверен в «нежелательности» появления на приближавшейся мирной конференции представителей, «не осознавших свои интересы национальностей». Позднее, на пути в Париж Вильсон уже заявил, что раскол России очевиден и поэтому к каждому новому государству следует подходить, соблюдая принцип самоопределения [26].

Вызывает интерес еще одна точка зрения на рассматриваемую проблему, которая представлена в документе, подготовленном экспертами для американской делегации на Парижской мирной конференции (от 21 января 1919 г.). В рекомендациях относительно границ будущей России сказано о целесообразности оказать «поощрение, в подходящее время, воссоединению с Россией тех пограничных областей на юге и западе, которые отделились и установили свои собственные национальные правительства, в особенности балтийских провинций и Украины, если воссоединение может быть осуществлено в рамках федерализированной или истинно демократической России». В качестве территорий, которые могут претендовать на самоопределение, названы «Финляндия, Польша, армяне в Закавказье и, вероятно, Литва». Аргументируя свою позицию, эксперты указывают на то, что «Россия не может быть разделена на большие естественные области, каждая со своей особой экономической жизнью. Ни одна область не является достаточно самостоятельной, чтобы образовать сильное государство». В случае сохранения власти за большевиками авторы меморандума допускают «признание независимости» отделившихся районов, но признание независимости Украины, Эстонии и Латвии обуславливается «про ведением референдума через несколько лет по вопросу о воссоединении с Россией». По поводу Литвы в документе обозначена любопытная альтернатива: если она войдет в состав Польши, то следует согласиться с ее отделением от России; в случае ее претензий на независимость, замечают эксперты, литовцы «окажутся в положении эстонцев и латышей, а не финнов и поляков» [27].

Таким образом, в данном меморандуме был сформулирован подход к самоопределению наций, ставший для официального Вашингтона основополагающим принципом при решении проблемы единства не только России, но и ряда других регионов Восточной Европы. Этот подход вобрал в себя два ключевых для Вильсона положения: право на самоопределение при максимальном соблюдении территориальной целостности и увязывание урегулирования национального вопроса с утверждением демократии во всем мире.

Даже участие США в военной интервенции на севере России и в Сибири во многом было следствием указанных убеждений американско-

го президента. Поддерживая идею самоопределения, Вильсон в этот период фактически пытался не допустить расчленения российской территории антантовскими державами. Как точно выразился Л. Гарднер, разногласия Вильсона с европейскими интервенционистами были, по существу, не спором по вопросу, стоит или не стоит свергать правительство Ленина. Это было столкновение между «старой» дипломатией сфер влияния и «новой» дипломатией современного либерализма. Вильсон, по словам Гарднера, не желал видеть старую Российскую империю разделенной на британскую, французскую и японскую сферы влияния. Он предпочитал видеть Россию либеральной, но не расчлененной [28]. Поддержка Вильсоном территориальной целостности России нашла свое дальнейшее выражение в отказе его администрации от признания независимости балтийских государств, Грузии и Азербайджана. Наиболее полное обоснование такой политики было дано в известной ноте Б. Колби по «русскому вопросу» (1920 г.) [29].

Примерно такое же понимание доктрины самоопределения Вильсон использовал в первой половине 1918 г. и по отношению к Австро-Венгрии. В это время Вашингтон рассматривал возможность реформирования империи при сохранении власти Габсбургов не только как реальную альтернативу решения национальных проблем в империи, но и как основу для заключения с нею сепаратного мира [30]. Однако провал американской попытки разорвать союз Вены с Берлином привел к изменению вильсоновского подхода к Австро-Венгрии. Взяв на вооружение доктрину самоопределения, Соединенные Штаты с июня 1918 г. стали заявлять о необходимости освобождения всех славянских народов от германского и австрийского господства, хотя госсекретарь Р. Лансинг в тех условиях по-прежнему указывал Вильсону на опасность признания полной независимости как чехословаков, так и югославов [31].

В результате в качестве наиболее приемлемого варианта политического устройства в регионе американцы стали рассматривать не столько достижение независимости всеми народами, входящими в Австро-Венгрию, сколько создание по образцу Швейцарии независимой от влияния немцев и австрийцев «конфедерации Юго-Восточной Европы» [32]. Тем самым Вильсон фактически подкрепил свой взгляд на решение национального вопроса, эластично сочетающий право на самоопределение с сохранением крупных демократических государств. При этом не вызывает сомнения, что Вильсон не считал самоопределение наций универсальным принципом мироустройства. Сошлемся, например, на его точку зрения относительно судьбы немецкоговорящей Ав-

стрии. Теоретически, сказал он на заседании кабинета 1 ноября 1918 г., эта территория должна бы быть присоединена к Германии. Но такое решение означало бы создание огромного и сильного объединения в центре Европы. Все это «сделало бы немцев победителями» после окончания войны и поэтому поставило бы под угрозу все международное сообщество. Поэтому объединения немецкоговорящей Австрии с Германией, по словам Вильсона, не следовало допускать [33].

Таким образом, концепция национального самоопределения, которую разделял Вильсон, была чрезвычайно важной частью его представлений о новом послевоенном мироустройстве. По своему происхождению эта концепция была органически связана с демократическими убеждениями 28-го президента США, уверенного в том, что свобода и народный суверенитет должны быть базовыми категориями любого развитого общества. Конечно, в этом не было никакого «открытия». Однако Вильсон сумел все же коренным образом обновить традиционную либеральную посылку. По словам И. Валлерстайна, он применил ее «не только к отдельным личностям в рамках государства, но и к национальным государствам или народам на международной арене». Другими словами, самоопределение, будучи «главным тезисом вильсоновизма», было «ничем иным, как принципом свободы личности, перенесенным на уровень межгосударственной системы» [34]. Приверженность Вильсона идее национального самоопределения чаще всего вписывалась в логику его противостояния с традициями европейской дипломатии. В частности, в период войны Вильсон использовал данный принцип совсем не так, как это делали государства Антанты. Если у них самоопределение было скорее оружием в борьбе с врагом, то для американского президента оно всегда оставалось одним из важнейших базисов стабильности мира. Поэтому нередко именно Вильсон сдерживал излишние амбиции победителей на Парижской мирной конференции (например, споры Италии относительно Далмации и т. п.) [35]. Конечно, прав Н. Г. Левин, отметивший, что Соединенные Штаты были реально заинтересованы в успехе национального самоопределения в Восточной Европе. Президент глубоко верил, что только с помощью новых национальных государств можно победить как «воинственный национализм» правых, так и леворадикальную угрозу большевизма и закрепить в регионе стабильный либеральный порядок под американским руководством [36].

Самоопределение для Вильсона, как правило, было равнозначно самоуправлению, что полностью проистекало из американской политической традиции. Поэтому этнические трактовки само-

определения, характерные для Старого Света, не имели на него какого-либо существенного влияния. В связи с этим обстоятельством, он, видимо, никогда серьезно не задумывался об опасности появления национальных меньшинств в тех или иных вновь создаваемых европейских государствах. Главное для него заключалось в другом: нужно было «сделать мир безопасным для демократии», т. е. добиться повсеместного утверждения и сохранения демократических порядков, при которых права всех наций будут соблюдаться по определению. Именно это в итоге, по его мнению, и послужило бы основой прочного и справедливого мира.

Как уже отмечалось, многие исследователи не раз указывали на двойственный характер вильсоновской концепции самоопределения, которая хотя и содержала однозначное одобрение национальных устремлений всех народов, но одновременно имела множество оговорок. Наглядным тому подтверждением можно считать его линию на максимальное сохранение территориальной целостности России, что вызывало недоумение многих национальных лидеров. На наш взгляд, в данном случае объяснение следует искать в геополитических установках Вильсона. Процесс национального возрождения приобрел в годы войны поистине взрывоопасный характер. В связи с этим Вильсон, видимо, не без оснований опасался появления «политического вакуума» на территории бывших империй, поскольку создание большого количества небольших и молодых государств неизбежно может привести к борьбе за влияние на них, что, соответственно, будет подрывать демократическое мироустройство. Поэтому более предпочтительным вариантом для него было не расчленение крупных государств, а достижение демократических изменений в них. Любопытную трактовку вильсоновской точки зрения на этот счет представил Л. Гарднер, заметивший, что президент желал избежать того, что позднее будет названо «третьим миром» [37]. И. Валлерстайн, анализируя позицию Вильсона по проблеме самоопределения, указывал еще и на его стремление к некому «расширению либерального консенсуса» в мире. Призыв к решению национального вопроса, писал американский ученый, был направлен прежде всего на интеграцию в новую миросистему т. н. «периферийных или полупериферийных зон» и решение, таким образом, известной глобальной проблемы взаимоотношения Севера и Юга [38].

Сам Вильсон, приехав в Париж для участия в мирной конференции, сумел достаточно быстро осознать невозможность абсолютного и повсеместного применения своих представлений о национальном самоопределении. В частности,

Ч. Сеймур, один из основных советников американской делегации по проблемам Австро-Венгрии, вспоминал о том, что президент не раз приходил к выводу о «ненадежности руководства» своей доктриной при территориальном разграничении в Центральной и Юго-Восточной Европе [39]. Поэтому в период работы Парижской мирной конференции американский президент нередко отступал от принципа самоопределения. В частности, территориальное разграничение в Европе, закрепленное послевоенными соглашениями, зачастую не учитывало многих национальных аспектов «справедливого мироустройства». Достаточно назвать передачу Италии Южного Тироля, заселенного немецкоговорящим большинством, появление «польского коридора» и т. п. Вильсон и сам, очевидно, замечал все эти дефекты урегулирования национального вопроса. Может быть, многие аспекты, связанные с этническим положением в Европе, президент и его коллеги по переговорам попросту не понимали. Общеизвестны, например, факты, демонстрирующие, что сами лидеры держав-победительниц в ходе заседаний Парижской мирной конференции подчас терялись в самых элементарных вопросах территориального разграничения [40]. Но Вильсон, скорее всего, и не пытался вникнуть во все сложности и противоречия реализации принципа самоопределения в Европе и тем более их преодолеть. Как точно подметили эксперты американской делегации Ч. Хаскинс и Р. Лорд, конференция по определению не могла создать за шесть месяцев «ни нового неба, ни новой земли». Но и даже в этих чрезвычайных условиях, по их словам, послевоенные соглашения (при всех их изъянах) стали все-таки «огромным выигрышем для дела свободы 19 национальностей» [41]. Эту точку зрения разделяет и современный украинский исследователь А. И. Сыч, отметивший, что установленные в Париже границы оказались «на удивление долговечными» [42]. Нельзя забывать еще и о том, что национальный вопрос для Вильсона был составной частью более общей концепции мирного урегулирования. Ее центром была идея Лиги Наций, которая должна была в перспективе не только исправить допущенные ошибки, но и выступить в роли гаранта национального самоопределения [43]. Поэтому на компромиссы по национальному вопросу Вильсон шел, как правило, во имя достижения своей главной внешнеполитической задачи – создания новой международной организации.

Таким образом, вильсоновские представления о национальном самоопределении стали важнейшей составной частью концепции либерального интернационализма, которая легла в основу американской программы реформирования мирового порядка. Президент США, опираясь на поли-

тические традиции своей страны, сумел фактически обосновать новую глобальную модель построения демократического сообщества наций, в котором любой народ имел бы право на свободу выбора своей судьбы. Его призыв к самоопределению поэтому не означал немедленной национальной перестройки Старого Света. Очевидно, что Вильсон в силу рассмотренных обстоятельств не пытался детально проработать все аспекты национального урегулирования. Он всего лишь предложил новую философию решения данной проблемы в глобальном масштабе. Несмотря на все известные трудности в деле реализации подходов Вильсона, история XX в. продемонстрировала все же справедливость большинства его заключений.

Примечания

1. *Crabb, C. V.* The Doctrines of American Foreign Policy: Their Meaning, Role, and Future [Text] / C. V. Crabb. Baton Rouge, 1982. P. 411; *Мальков, В. А.* С чего начать? [Текст] / В. А. Мальков // Первая мировая война: пролог XX века. С. 15; *Сыч, А. И.* Национальный аспект Версальской системы [Текст] / А. И. Сыч // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 126–127.
2. *Хайд, Ч. Ч.* Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки [Текст]: в 6 т. / Ч. Ч. Хайд. М., 1950–1954. Т. 2. С. 79.
3. *Малинова, О. Ю.* Либеральный национализм (середина XIX – начало XX века) [Текст] / О. Ю. Малинова. М., 2000. С. 10–11.
4. An Address in Wilmington. «Liberty». Feb. 5, 1897 [Text] // The Papers of Woodrow Wilson / ed. A. S. Link et al. Vol. 1–69. Princeton, 1966–1994. (Далее: PWW). Vol. 10. P. 149; A Political Essay. «Democracy and Efficiency». Oct. 1, 1900 // Ibid. Vol. 12. P. 10, 18.
5. Memoranda for «The Modern Democratic State». [Dec. 1–20, 1885] [Text] // Ibid. Vol. 5. P. 74–75; The Ideals of America. Dec. 26, 1901 [Text] // Ibid. Vol. 12. P. 223–224.
6. Notes for Lectures in a Course on the Elements of Politics. March 5, 1898 [Text] // Ibid. Vol. 10. P. 471.
7. *Lynch, A. C.* Woodrow Wilson and the Principle of «National Self-Determination», as Applied to Habsburg Europe [Text] / A. C. Lynch // Self-Determination from Versailles to Dayton: Its Historical Legacy / ed. by H. Huttenbach and F. Privitera. Bologna, 1999. P. 18; *Малинова, О. Ю.* Указ. соч. С. 209, 219.
8. An Annual Message on the State of the Union. Dec. 8, 1914 [Text] // PWW. Vol. 31. P. 417; An Annual Message on the State of the Union. Dec. 7, 1915 [Text] // Ibid. Vol. 35. P. 303; *Curry, R. W.* Woodrow Wilson and Far Eastern Policy, 1913–1921 [Text] / R. W. Curry. N.Y., 1957. P. 87–88; *Домбровский, Я. А.* «Независимая» республика или колония? Обсуждение в конгрессе США в 1914–1916 гг. законопроекта о Филиппинах [Текст] // Проблемы истории политической и культурной жизни США. Самара, 1993. С. 56–74.
9. An Address to the Senate. Jan. 22, 1917 [Text] // PWW. Vol. 40. P. 534, 536–537.
10. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. Д. 53. Л. 103.

11. An Address to a Joint Session of Congress. Apr. 2, 1917 [Text] // PWW. Vol. 41. P. 519–527.
12. N. Hargood to W. Wilson. Jan. 29, 1917 [Text] // Ibid. Vol. 41. P. 57; From the Diary of Colonel House. Apr. 28, 1917 [Text] // Ibid. Vol. 42. P. 156.
13. An Annual Message on the State of the Union. Dec. 4, 1917 [Text] // Ibid. Vol. 45. P. 199; From the Diary of J. Daniels Jan. 9, 1918 [Text] // Ibid. Vol. 45. P. 559.
14. A Memorandum by S. E. Mezes, D. H. Miller, and W. Lippmann. [Jan. 4, 1918] [Text] // Ibid. Vol. 45. P. 463, 470–471.
15. Малинова, О. Ю. Указ. соч. С. 225; Фоглессонг, Д. С. Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920 [Текст] / Д. С. Фоглессонг // Первая мировая война: Пролог XX века. С. 604; Киссинджер, Г. Дипломатия [Текст] / Г. Киссинджер. М., 1997. С. 199–200.
16. An Address to a Joint Session of Congress. Jan. 8, 1918 [Text] // PWW. Vol. 45. P. 536–538.
17. Ibidem.
18. Heater, D. National Self-Determination Woodrow Wilson and His Legacy [Text] / D. Heater. N.Y., 1994. P. 43.
19. Кунина, А. Е. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917–1920 гг. [Текст] / А. Е. Кунина. М., 1954. С. 44; Уткин, А. И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен [Текст] / А. И. Уткин. М., 2004. С. 45.
20. An Address to a Joint Session of Congress. Jan. 8, 1918 [Text] // PWW. Vol. 45. P. 537.
21. A Memorandum by S. E. Mezes, D. H. Miller and W. Lippmann. [Jan. 4, 1918] [Text] // Ibid. Vol. 45. P. 467.
22. An Address to a Joint Session of Congress. Feb. 11, 1918 [Text] // Ibid. Vol. 46. P. 322–323.
23. Малинова, О. Ю. Указ. соч. С. 230.
24. Unterberger, B. M. Woodrow Wilson and the Bolsheviks: The «Acid Test» of Soviet-American Relations [Text] / B. M. Unterberger // Diplomatic History. Vol. 11, XII (Spring, 1987). P. 90.
25. A Memorandum by W. Lippmann and F. Cobb. Oct. 29, 1918 [Text] // PWW. Vol. 51. P. 498–499; FRUS. The Paris Peace Conference. Vol. 1. P. 268–271.
26. W. Wilson to E. M. House. Oct. 30, 1918 [Text] // PWW. Vol. 51. P. 511; From the Dairy of Dr. Grayson. Dec. 8, 1918 [Text] // Ibid. Vol. 53. P. 338; Фоглессонг, Д. С. Указ. соч. С. 603.
27. Указанный документ опубликован в виде приложения к статье: Кунина, А. Е. Об одной забытой географической карте России [Текст] / А. Е. Кунина // Европейские исследования в Сибири. Вып. 2. Томск, 2000. С. 11–12.
28. W. Wilson to F. Polk. June 17, 1918 [Text] // PWW. Vol. 48. P. 641–643; Гарднер, Л. Вильсоновское понятие «либеральной» политики в контексте событий в имперской Германии и революционной России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: пролог XX века. С. 323.
29. R. Lansing to Lithuanian National Council. Oct. 15, 1919 [Text] // PWW. Vol. 66. P. 25. FRUS. 1920. Vol. 3. P. 463–468.
30. Первая мировая война: ист. очерк. М., 2002. С. 449; Mamatey, V. S. The United States and East Central Europe. 1914–1918. A Study in Wilsonian Diplomacy and Propaganda [Text] / V. S. Mamatey. Princeton, 1957. P. 69–70, 175–184.
31. Memorandum on the Policy of the United States in Relation to the Nationalities Included within the Austro-Hungarian Empire. June 24, 1918 [Text] // PWW. Vol. 48. P. 435–437; R. Lansing to W. Wilson. Aug. 19, 1918 [Text] // Ibid. Vol. 49. P. 287–288.
32. Фисанов, В. А. Национальные проблемы Австро-Венгрии во внешней политике США в 1917–1918 гг. [Текст] / В. А. Фисанов // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1991. С. 275–276.
33. A Memorandum by F. K. Lane. Nov. 1, 1918 [Text] // PWW. Vol. 51. P. 548.
34. Валлерстайн, И. После либерализма. М., 2003. С. 110.
35. Виноградов, В. Н. На руинах многонациональных империй [Текст] / В. Н. Виноградов // Первая мировая война: пролог XX века. С. 335–336; Жуковская, Н. В. Позиция США по балканскому вопросу на Парижской мирной конференции 1919 г. [Текст] / Н. В. Жуковская // Американские исследования в Сибири. Вып. 5. Томск, 2001. С. 111–112; Махмудян, Г. Г. Англо-американские противоречия и Республика Армения в 1918–1920 гг. [Текст] / Г. Г. Махмудян // США – Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 3. С. 84–99.
36. Levin, N. G. Woodrow Wilson and World Politics [Text] / N. G. Levin. N.Y., 1968. P. 184–197.
37. Гарднер, Л. Указ. соч. С. 324.
38. Валлерстайн, И. Указ. соч. С. 221.
39. Seymour, Ch. Woodrow Wilson in Perspective [Text] / Ch. Seymour // The Philosophy and Policies of Woodrow Wilson / ed. by E. Latham. Chicago, 1958. P. 181.
40. Dillon, E. J. The Inside Story of Paris Conference [Text] / E. J. Dillon. N. Y., 1920. P. 63; Новак, К. Ф. Версаль [Текст] / К. Ф. Новак. М.; Л., 1930. С. 87.
41. Haskins, Ch. Some Problems of the Peace Conference [Text] / Ch. Haskins, R. Lord. Cambridge, 1920. P. 287.
42. Свич, А. И. Указ. соч. С. 126.
43. Lynch, A. C. Op. cit. P. 30; Mamatey, V. S. Op. cit. P. 310.